

**РУССКАЯ
ЭРОТИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

Коллектив авторов

Русская эротическая поэзия

«ЭКСМО»

авторов К.

Русская эротическая поэзия / К. авторов — «Эксмо»,

Чувственная любовь, близость мужчины и женщины, телесная красота – темы для русской поэзии не чуждые. Они берут начало из былин и сказок, частушек и песен. В этом сборнике представлены лучшие образцы русской эротической лирики, начиная от «целомудренного» XVIII века и заканчивая Серебряным веком с его вольными нравами. Здесь и «классик жанра» Барков, и темпераментный Пушкин, и томный Бальмонт...

© авторов К.

© Эксмо

Содержание

Александр Петрович Сумароков	5
Иван Семенович Барков	9
Гавриил Романович Державин	11
Василий Васильевич Капнист	13
Иван Иванович Дмитриев	17
Павел Иванович Голенищев-Кутузов	20
Петр Иванович Шаликов	21
Иван Андреевич Крылов	22
Василий Львович Пушкин	24
Сергей Никифорович Марин	25
Евгений Александрович Колычев	26
Иван Иванович Козлов	27
Михаил Сергеевич Кайсаров	28
Василий Андреевич Жуковский	29
Денис Васильевич Давыдов	33
Константин Николаевич Батюшков	35
Александр Иванович Мещёвский	39
Михаил Васильевич Милонов	40
Петр Андреевич Вяземский	42
Владимир Иванович Панаев	45
Семен Егорович Раич	47
Александр Сергеевич Грибоедов	49
Кондратий Федорович Рылеев	50
Вильгельм Карлович Кюхельбекер	51
Алексей Дамианович Илличевский	52
Антон Антонович Дельвиг	53
Александр Сергеевич Пушкин	56
Евгений Абрамович Боратынский	60
Александр Фомич Вельтман	64
Егор Федорович Розен	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Русская эротическая поэзия

Александр Петрович Сумароков

* * *

Уже восходит солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любезная пастушка овец уж погнала
И на вечер сегодня в лесок меня звала.

О темные дубровы, убежище сует!
В приятной вашей тени мирской печали нет;
В вас красные лужайки природа извела
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дождитесь под тень меня свою,
А я в вас буду видеть любезную мою.
Под вашими листьями я счастлив уж бывал
И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди, скоряе, ненадобный мне день,
Мне свет твой неприятен, пусть кроет ночи тень.
Спеши, дражайший вечер, о время, пролетай!
А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

1755

Сонет

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; без любви всё в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб больше не тужить, что век прошел несчастливо.

Любися в младости, доколе сердце страстно:
Как младость пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покамест есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда когда уже завял его листок:
И красота твоя, подобно ей, завянет.

Не трать своих ты дней, доколь ты нестара,
И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

<1755>

* * *

Милон на многи дни с женою разлучился,
Однако к ней еще проститься возвратился.
Она не чаяла при горести своей,
Что возвратится он опять так скоро к ней,
Хотя ей три часа казались за неделю,
И от тоски взяла другого на постелю.
Увидя гостя с ней, приезжий обомлел.
Жена вскричала: «Что ты, муж, оторопел?
Будь господин страстей и овладей собою;
Я телом только с ним, душа моя с тобою».

1756

* * *

Негде, в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На берегу была крутом,
И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
Вправду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал,
И в траве он щекотал девку без разбору.

«Не шути так, молодец, —
Девка говорила, —
Дай мне встать пасти овец, —
Много раз твердила, —
Не шути так, молодец,
Дай мне встать пасти овец;
Не шути, не шути, дай мне пасти стадо».

«Закричу», – стращает вслух.
Дерзкий не внимает
Никаких речей пастух,
Только обнимает.
А пастушка не кричит,
Хоть стращает, да молчит.
Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
И того не знаю,
Я не много при таком
Деле примечаю;
Только эхо по реке
Отвечало вдалеке:
Ай, ай, ай! – знать, они дрались.

<1770>

Иван Семенович Барков

Загадки

Ни глаз, ни рук, ни ног я сроду не имею,
А делать образ чей я точно разумею.
Любим девицам я, но ими и призрен.
Всяк волю мне даёт, но я и заключен.
Противу естества голодный бодр бываю.
А сытым будучи, слабею, унываю.
На троне, на суде и в пропастях живу.
Рождаю я кого, того терзаю, рву.
Позорен именем. Необходим делами.
Я грешник – но сажу в беседе и с попами.
Я твари всей отец. Но я его и сын,
Причиной бытия я коего один.
Хожу я в кладези – но их я напояю.
Я смертен, но как свет стоит – не умираю.
Жечь суют меня в горн, но как меня не суй,
Я точно всё таков, каков и есмь я *йцх*.

Выбор

Муж спрашивал жены, какое делать дело:
«Нам ужинать сперва иль еться зачинать?»
Жена ему на то: «Ты сам изволь избрать.
Но суп еще кипит, жаркое не поспело».

Гавриил Романович Державин

Разные вина

Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот черно-тинтово вино,
За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот слёзы-ангельски вино,
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

1782

Шуточное желание

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках, —
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезда и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался, —
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

Василий Васильевич Капнист

Неверность

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел?
Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.

В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ея пылал.
Но взор молодой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид
И сами нежны взоры —
Всё в ней притворно льстит.
Но всё в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое,
Напомни мне драгую —
Я все люблю её.
Ея неверность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пеняю,
А все её люблю.

<1781>

Весна

Уж юный май в весенней неге
Спешит, прогнавши зимний хлад.
Суда, осохшие на бреге,
На волны с крутизны скользят,
К загону стадо не теснится,
Не жметя к огоньку пастух,
И инеем не серебрится
Покрывшийся травой луг.

При лунном в рощице сияньи
Сзывает *Лудо* юных дев.
В прозрачном льняном одеянье,
Оне, под плясовый напев,
Сплетяся белыми руками,
Летают, чуть клоня траву,
И мерно легкими стопами
Атласят мягку мураву.

Вот время первые цветочки
С блестящею росой срывать
И, свив душистые веночки,
Власы красавиц увенчать.
Вот время влюбчивому *Лелю*,
На место жертвенника, в честь
Из мягких роз постлать постелю,
А в жертву – горлицу принести.

Мой друг! тебя днесь рок ласкает;
Но бледно-тоща смерть ногой
Равно в златую дверь толкает,
Как в двери хижины простой.
Превратна жизнь и скоротечна
Претит достичь нам дальних мет;
За нею ночь нас встретит вечна,
И хлябь земная всех пожрет.

Там злато, знатность напыщенна
Не развлекут твоих очей.
Приятство дружества священна
Души не упоит твоей.
Не будешь виночерпной чашей
В пирах любовь ты воспалить;
В объятях неги с милой *Дашей*
Сладчайший всех нектар вкушать.

Спеши ж: в кругу отрад, веселий
Крылатый миг останови:
Брегись, чтоб с ним не улетели
Восторги первыя любви.
Лишь раз ея очарованье
Нас может в жизни усладить —
Увы! прелестно сна мечтанье,
Проснувшись, лъзя ли возвратить?

<1799>, <1806>

Напрасные слёзы

Когда на розу взглянешь,
Себя к ней примени;
Пчелу на ней застанешь,
О мне вспомяни:

Она не жалит розы,
Лишь сладкий мед сосёт;
К чему ж твой стон и слёзы? —
И я б сосал лишь мёд.

<1806>

Иван Иванович Дмитриев

Счет поцелуев

Прелестна Лизонька! на этом самом поле,
Под этой липою, ты слово мне дала
Сто поцелуев дать; но только сто, не боле.
Ах, Лиза! видно, ты ввек страстной не была!
Дай сто, дай тысячу, дай тьму – все будет мало
Для сердца, что к тебе любовью воспылало!
Послушай, Лизонька: который из богов
На расточение был скуп своих даров?
Благотворить, не зная пределов, – вот их мера!
Считала ли Церера
Все класы, коими она
Чело природы украшает,
Когда ее обогащает?
И Флора милая, с которой ты сходна
Приятностью, красою,

Не щедрою ль, скажи, рукою
Кидает на землю душистые цветы?
Иль неясного возьми в пример Зефира ты:
Он вечно росписи не знает
Всем розам, кои здесь в кусточках лобызает.
По капле ль падает небесная вода
Для освежения полей, лугов от зною?
Не правда ли, что иногда
Юпитер льет ее рекою?

Жалела ль для цветов своих Аврора слез?
Нет! мир свидетель в том, что жители небес
И худо и добро – все сыплют к нам без меры.
А ты, совместница Венеры,
Которой сын ее вручил такую власть,
Что взглядом можешь в нас рождать бессмертну страсть,
Ты, Лиза, ты теперь... ах! может ли то стать?
Ты хочешь хладной быть и с богом сим считаться!
Жестокая! скажи, считал ли я хоть раз,
Сколь много пролил слез отчаянья из глаз;
Сколь часто, посреди восторгов и желаний,
Я сердце надрывал от вздохов и стенаний?
Сочти все горести, стеснявшие мне грудь,
И после ты сама судьбою нашим будь.
Но нет! смешаем все, и радости и муки;
Пади, любезная, пади в мои ты руки!

Позволь, чтоб я тебя без счета целовал
За столько, столько слез... которых не считал.

Супружеская молитва

Один предобрый муж имел обыкновенье,
Вставая ото сна и отходя ко сну,
Такое приносить моление:
«Хранитель ангел мой! спаси мою жену!
Не дай упасть ей в искушение!
А ежели уж я... не дай про то мне знать!
А если знаю я, то дай мне не видать!
А если вижу я, даруй ты мне терпенье!»

Павел Иванович Голенищев-Кутузов

Постеля

Постеля есть почтенный
В глазах моих предмет:
Пиит уединенный
В ней думает, поет;
Скрывается от взоров
Всегда кокетка в ней,
Затем, что без уборов
Цены лишится всей.

Несчастный убегает
В постелю от беды,
В сне сладком забывает
Все скорби и труды;
Но тщетно преступленье
В постелю лечь спешит:
Тут совести грызенье:
С подушкой лежит.

Лизета от постели
Богата стала вдруг,
Сряжала в две недели
Карету, славный цуг.
Постеля наслажденья
Бесчисленны дарит,
Постеля и рожденье
И час последний зрит.

Петр Иванович Шаликов

Соседка

Кого ты арфой тихострунной
И нежным голосом своим,
Близ окон сидя в вечер лунный, —
Кого очарованьем сим
Привлечь... к ногам своим желаешь?
О ком ты думаешь, мечтаешь?
И кто счастливый смертный сей,
Предмет гармонии твоей?..
Кому он внемлет, с кем проводит
Часы минут волшебных сих;
Где счастье, радости находит;
Почто он не у ног твоих?..
Я слышу, кажется, стенанье
И арфы и души твоей —
И струн и сердца трепетанье,
И вижу слезы из очей:
Так быть должно!.. Неблагодарный!
Кого предпочитаешь ей?..
Или жестокий бог, коварный,
Равно коварен и жесток
Для всех... и для соседки милой!..
Ах, нет! со всею властью, силой
Не может он – не может рок
Заставить ангела людские
Мученья, горе испытать!

И доля ангелов иные
Надежды, чувства питать!
Соседка-ангел! ты мечтаешь —
В желаньях тайных и живых —
О том, кого... еще не знаешь;
Или б он был – у ног твоих!

<1809>

Иван Андреевич Крылов

К Мальвине

Ах! чем красавицу мне должно
Как не цветочком подарить?
Ее, без всякой лести, можно
С приятной розою сравнить.

Что розы может быть славнее?
Ее Анакреон воспел.
Что розы может быть милее?
Амур из роз венки имел.

Ах, мне ль твердить, что вянут розы,
Что мигом их краса пройдет,
Что лишь появятся морозы,
Листок душистый опадет.

Но что же, милая, и вечно
В печальном мире сем цветет?
Не только розы скоротечны,
И жизнь – увы! и жизнь пройдет.

Но грации пока толпою
Тебе, Мальвина, вслед идут,
Пока они еще с тобою
Играют, пляшут и поют,

Пусть розы нежные гордятся
На лилиях груди твоей!
Ах, смею ль, милая, признаться?
Я розой умер бы на ней.

Из греческой антологии

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили...
О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девической оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие из дымки белоснежной,
И обувь легкая, и свежие цветы:
Здесь все – развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никагора!

Василий Львович Пушкин

Догадливая жена

Муж умирающий так говорил жене:
«Скажи чистосердечно мне.
Вот с лишком десять лет, как я живу с тобою,
Была ль ты мне верна? Я от тебя не скрою:
Казалось мне, сосед Фома
Любил тебя, дружочек, без ума.
Скажи всю истину; чего тебе бояться?
Я через час умру, впросак не попадешь!» —
«Нет, муженек, не смею я признаться:
Ну, как обманешь – не умрешь!»

Сергей Никифорович Марин

Стихи на красавиц

На красавиц полагаться
И на верность их считать —
То ж, по чести, что стараться
Нрав подъячих исправлять.

Приобыкши лицемерить,
В свете женщины – чума.
Друг любезный! Кто им верит,
Тот родился без ума.

Миг любовь нас позабавит —
Вдруг исчезнет так, как тень,
И пропав, сказать заставит:
Вот те, бабка, Юрьев день.

Евгений Александрович Колычев

К озеру Б***

Холодны, светлы, тихи воды,
Где часто при ночных лучах
Элиза, в тишине природы,
Купается в золотых волнах!

Кристалл, который, преломляя
Красы ее, вокруг них блеснит,
Волна, что от луны сияя,
Ея колена золотит!

О, зеркало воды счастливой!
Где часто грудь драгой моей,
С зеленою мешаясь ивой,
Рисуется поверх зыбей!

Струи, в которы упадает
Она во всех своих красах,
Увы! ваш рок меня смущает...
Страшитесь... яд в ее очах!

Страшитесь!.. И когда вас пламень
Сих светлых глаз не воспалит,
То сердца хлад ее вас в камень
Иль в лед навеки превратит!

Иван Иванович Козлов

Гимн Орфея

Когда целуете прелестные уста
И сердце тает негой наслажденья,
Вам шепчутся и ласки и моленья.
И безгранично своевольствует мечта...
Тогда, любовью пламеня,
Вы слушаете страстный гимн Орфея.

Когда душа тоскою сражена,
Нет слез от полноты томленья,
И меркнет свет, и мысли без движенья,
И волны времени без цели и без дна...
Тогда, от горя каменя,
Вам чудится плачевный гимн Орфея.

Когда к творцу миров возносите мольбы
И тонет взор в безбрежности творенья,
Молчат уста в избытке умиленья,
Вы доверяетесь влечению судьбы...
Тогда, вам благодатью вея,
Весь мир гремит священный гимн Орфея!

Когда поэт на языке земном
Передаёт пророческим пером
Таинственные вдохновенья
И осветлит души виденья
Поэзии огнем, —
Венчает мир, исполнен удивленья,
Чело певца бессмертия венком.

<1839>

Михаил Сергеевич Кайсаров

Анакреонтическая ода

Не богиня ль молодая,
Взора смертных убегая,
Кто там по лугу бежит?

Платье с ветерком играет,
Зефир кудри развевает,
Лебедина грудь блестит.

И бледнея, и краснея,
Поглядеть, дохнуть не смея,
Машинька! Куда бежишь?

«День томлюся, ночь страдаю,
Все Амура убегая».
Не уйдешь – он все с тобой

И в лесах, и меж цветами;
Не уйдешь – ведь он с крылами!
Лучше воротись домой.

Василий Андреевич Жуковский

Желание

Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам;
Предо мной поток ужасный
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено...
Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

1811

Победитель

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все – цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралось забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она – младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

1822

Песня

Счастлив тот, кому забавы,
Игры, майские цветы,
Соловей в тени дубравы
И весенних лет мечты
В наслажденье – как и прежде;
Кто на радость лишь глядит,
Кто, вверяясь надежде,
Птичкой вслед за ней летит.

Так виляет по цветочкам
Златокрылый мотылек;
Лишь к цветку – прильнул к листочкам,
Полетел – забыл цветок;
Сорвана его лилея —
Он летит на анемон;
Что его – то и милее,
Грусть забвеньем лечит он.

Беден тот, кому забавы,
Игры, майские цветы,
Соловей в тени дубравы
И весенних лет мечты
Не в веселье – так, как прежде;
Кто улыбку позабыл;
Кто, сказав: прости! надежде,
Взор ко гробу устремил.

Для души моей плененной
Здесь один и был цветок,
Ароматный несравненный;
Я сорвать... но что же рок?
«Не тебе им насладиться,
Не твоим ему доцвесть!»
Ах, жестокий! чем же льститься?
Где подобный в мире есть?

Счастье во сне

Дорогой шла девица;
С ней друг ее младой;
Болезненны их лица;
Наполнен взор тоской.

Друг друга лобызают
И в очи и в уста —
И снова расцветают
В них жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двух колоколов звон:
Она проснулась в *келье*;
В *тюрьме* проснулся он.

1816

Денис Васильевич Давыдов

Элегия VIII

О, пощади! – Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой,
Зачем скользит небрежно покров
С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею...
Но ты вошла – и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы —
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы!

1818

* * *

Вы хороши! – Каштановой волной
Ваш локон падает на свежие ланиты;
Как мил ваш взор полужакрытый,
Как мил ваш стан полунагой!

Не вы ль оригинал живой
Очаровательной хариты,
Кановы созданной рукой?
Вы хороши! – Но мой покой
Неколебим. Осанка величава,
Жеманная тоска искусственной любви
Не страшны мне: моя отрава —
Взор вдохновительный и слово от души.
Я их ищу давно, давно не обретая.
Вам не сродни крылатый бог:
Жизнь ваша – *стрелка часовая*,
Арифметический итог.

Но та, которую люблю, не называя...
Ах! та вся чувство, вся восторг,
Как Пиндара строфа живая!

1829

Константин Николаевич Батюшков

Ложный страх *Подражание Парни*

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежный!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась – но слегка?
Слышен шум! – ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась – я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за всё ручался,
И амуры на часах.
Всё в безмолвии глубоко,
Всё почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном —
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день, —
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо:
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.

Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой...
Остальной ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

<1810>

Вакханка

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней – она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, —
Все в неистовой прельщает,
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг – она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас!

<1815>

Мой гений

О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.

Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель-гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

<1815>

Александр Иванович Мещёвский

Присутствие милой

Тобой я полн, когда огонь денницы
Блестит мне в стекле далеких волн;
Как месяц спит в потоках бледнолицый,
Тобой я полн.
Тебя я зрю – как пылкой пеленою
Подернет ветр вечернюю зарю;
Как странник путь стремится глухой порою,
Тебя я зрю.
Твой слышу глас; когда, с глухим стенаньем,
Встает волна, о дикий брег дробясь;
В тени дубрав, окинутых молчаньем,
Твой слышу глас.
Твой спутник я: вблизи, вдали – с тобою,
С моей душой сливается твоя.
Приди – уж ночь... и месяц – над горою...
Твой спутник – я.

Между 1815 и 1818

Михаил Васильевич Милонов

Блаженство *Подражание Парни*

Увы! с какою быстротою
Сокрылся сей счастливый миг,
Как с страстною моею душою
Я, Нина, пламенел в объятиях твоих!
Как сердце у тебя в восторгах замирало,
И розою лицо стыдливости пылало!..
Блажен, блажен стократ,
Кто, руша все преграды,
На ложе роскоши, возлюбленный, объят,
Вкушает в полноте любви все отрады!
Он скорбный мир забыл, восторгом упоясь.
То, взорам обнажить прелестну грудь стремясь,
Подобну снегу белизною,
Он робкой медленно рукою
Делит покровов тонких связь,
И, полными гордясь
Лилейными холмами,
Лишенная своих защит,
Под страстными его устами
Она твердеет и горит!
То, стан ее рукой роскошною обнявши,
Который у самой Киприды похищен,
И пояс средь забав украдкой развязавши,
Смущеньем красоты робеющей пленен,
Он пламенны уста стыдливые лобзает.
И тихое на них роптганье умирает!
Чья участь на земле с счастливецем сим равна?

Он медлит посреди сердечных упоений
И чашу восхищений
По капле пьет до дна!
О Нина, о мой друг, пребудь всегда со мною!
Смятение любви, пленительный покой,
Который следует за счастья полнотою!
Пусть нежною моею развеяны рукой,
В сей милой простоте, любовью расплетены,
Волнуются твои прелестные волосы,
И легкий твой покров, Эротом похищенный,
Не кроет от меня стыдливыя красы!
О Нина! вся цена дней наших в наслажденье,

И райское одно мгновенье,
Когда, в восторге мы своем,
Небесное о всем
Забвенье пием, —
Годичных есть забот и бедствий услажденье!
Жизнь смертных горести отравой полна:
Любовию одной красуется она.
Восторги первых встреч, горящи лобызанья,
Волнения души, любви очарованья —
Оставить должно свет,
Когда вас боле нет!

1810

Петр Андреевич Вяземский

К подушке Филлиды (С французского)

Поведай тайны мне свои,
Подушка, смятая Филлидой,
Пух с горлиц, вскормленных Кипридой,
Иль с легких крылиев любви!

Не сказывай, что взор встречает,
Когда покров с себя ночной
Откинёт легкою ногой,
Или зефир его сдувает!

Не сказывай ты мне равно,
Как уст прелестных осязаньем
И сладостным она дыханьем
Твое согрела полотно!

И сам Амур красноречивый
Всего бы мне не рассказал
Того, что прежде угадал
Мечтою я нетерпеливой!

Нет, нет! Поведай мне сперва,
Как часто с робостию скромной
Любви восторгов шепчет томно
Она волшебные слова?

Скажи мне, сколько слез укору
И ревности упало слез
В тебя, когда я веткой роз
Украсил грудь Элеоноры?

На днях украдкою в тени
Она меня поцеловала.
«Ты видишь – ты любим, – сказала, —
Но от самой меня храни».

Я тут с Филлидою расстался.
Скажи, могла ль она заснуть?
Скажи, как трепетала грудь,
Как вздох за вздохом вырывался?

Девушка в поздние часы
Под завесом не столь таится:
Душа ее нагая зрится,
Как и открыты красы.

Другим бы, может быть, скорее
Пристало тайны знать твои,
Но из поклонников любви
Достойней тот, кто всех нежнее.

Когда, ущедренный судьбою,
Я при тебе к груди своей
Прижму ее и робость в ней
Я поцелуем успокою?

Вечер мне руку подала,
Затрепетала и вздохнула.
«Ты завтра приходи», – шепнула
И, покрасневшись, отошла.

О боги! Можно ли мне льститься?
Прелестной верить ли судьбе?
Подушка! Вечером к тебе
Приду ответа допроситься.

<1815>

Простоволосая головка

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз,
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ —

Всё в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.

Пусть спесь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на неё,
Поэзией живой и резвой
Она всегда возьмет своё.

Она пылит, она чудесит,
Играет жизнью, и, шутя,
Она влечет к себе и бесит,
Как своевольное дитя.

Она дитя, резвушка, мальчик,
Но мальчик, всем знакомый нам,
Которого лукавый пальчик
Грозит и смертным и богам.

У них во всём одни приемы,
В сердца играют заодно:
Кому глаза ея знакомы,
Того уж сглазил он давно.

Ея игрушка – *сердцеловка*,
Поймает сердце и швырнёт;
Простоволосая головка
Всех поголовно поберёт!

Июль 1828

Владимир Иванович Панаев

Коридон

Разметавшись небрежно
Под ореховым кустом,
В час полдневный почивала
Сладким Амарила сном.
Недалеко прилучилось
Коридону проходить.
Он давно любил пастушку
И умел любимым быть;
Но любовь сердец невинных
Молчалива и робка:
Та украдкой страсть питала,
Тот вздыхал исподтишка.
Коридон остановился,
Робко посмотрел вокруг
И на цыпочках прокрался
К Амариле через луг.
Драгоценныя минуты!
Он дерзает в первый раз
Так рассматривать пастушку
И отвести не может глаз:
Видит грудь полуоткрыту,
Стан, достойный Аонид,
Перлов ряд под розой – пламень
Разгоревшихся ланит.
И невольно опустился
На колени Коридон;
Свет в очах его затмился,
Сердце замерло – и он...
Жарким, страстным поцелуем
Амарилу разбудил;
Лишь взглянула – вмиг закрылась;
Своевольник отскочил
И, потупя робко взоры,
Ждал упреков за вину;
Но пастушка, ни полслова
Не промолвивши ему,
Быстро скрылась в чаще леса.
Грустен шел пастух домой.
«Что я сделал, неразумный? —
Говорил он сам с собой. —
Как теперь я с нею встречусь,
Как взгляну, заговорю?»

Рассердилась! и за дело!
По-пустому растворяю
Завтра с солнечным восходом
В шалаше моем окно:
В хижине у Амарилы
Не растворится оно!
Понапрасну заиграю
На свирели вечерком:
Милая не будет больше
Вторить нежным голоском!
А потом и перестанет
Пастушка совсем любить.
Ах, зачем бы мне без спросу
С ней так дерзко поступить?»

Коридон и не ошибся:
Добрый прежде знак – окно —
Три дни запертым стояло;
Но в четвертый вновь оно
Растворилось понемножку;
В тот же самый вечерок
Амарилин соловьиный
Вновь раздался голосок;
А потом, через неделю,
Встретясь как-то с пастушком
У Амурова кумира,
Молвила ему тишком,
Что уж больше не сердита,
И просила пособить
Жертвенник малютки-бога
Вязью миртовой обвить.

1817

Семен Егорович Раич

К Лиде

Подражание К. Галлу

Лида, веселье очей распаленных,
Зависть и чудо красот несравненных,
Лида, ты лилий восточных белей,
Розы румяней, ясмينا нежней, —
Млеть пред тобою – двух жизней мне мало...
Дева восторгов, сними покрывало,
Дай насмотреться на злато кудрей,
Дай мне насытить несытость очей
Шеи и плеч снеговой белизною;
Дай надивиться бровей красотою,
Дай полелеяться взорам моим
Отцветом роз на ланитах живым.
Нежася взором на взоре прелестном,
Я утонул бы в восторге небесном,
С длинных ресниц не спустил бы очей:
Лида, сними покрывало скорей!

Скромный хранитель красот, покрывало,
Нехотя кудри оставя, упало,
Млею, пылаю, дивлюсь красотам...
Лида, скорее устами к устам!
Жалок и миг, пролетевший напрасно;
Дай поцелуй голубицы мне страстной...
Сладок мне твой поцелуй огневой:
Лида, он слился с моею душой.

Полно же, полно, о дева любви!
Дай усмириться волнению крови, —
Твой поцелуй, как дыханье богов,
В сердце вливает чистейшую кровь...
Дымка слетела, и груди перловы
Вскрылись, и вскрыли элизий мне новый.
Сладко дыхание нарда и роз
В воздухе тонком от них разлилось.
Тихий их трепет, роскошные волны
Жизнью несметной небесною полны.
Лида, о Лида, набрось поскорей
Дымку на перлы живые грудей:
В них неземное биенье, движенье,
С них, утомленный, я пью истощенье.

Лида, накинь покрывало на грудь,
Дай мне от роскоши нег отдохнуть.

<1826>

Александр Сергеевич Грибоедов

Романс

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Ещё не сведала тоски, томлений нежных?
Ещё не знает про любовь?

Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях её? в них негой упивался,
Роскошествовал и обмирал?..

Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть,
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! – Вами,
Нет! – не моей душе процветать.

1823–1824

Кондратий Федорович Рылеев

Нечаянное счастье (подражание грекам)

О радость, о восторг!.. я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрел полунагую!
Какое зрелище отрадное очам!
Власы волнистые небрежно распущенны
По алебастровым плечам,
И перси девственны, и ноги обнаженны,
И стройный, тонкий стан под дымкою одной,
И полные огня пленительные очи,
И все, и все – в часы глубокой ночи,
При ясном свете ламп, в обители немой!
Дыханья перевесть не смея в изумленьи,
На прелести ее в безмолвии взирал —
И сердце юное пылало в восхищеньи;
В восторгах таял я, и млел, и трепетал,
И взоры жадные сквозь дымку устремлял!
Но что я чувствовал, когда младая Лила,
Увидев в храмине меня между столпов,
Вдруг в страхе вскрикнула и руки опустила —
И с тайных прелестей последний пал покров.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер

Сонет

Объяты сладким сном, благоуханья
Таятся в лоне нежного шипка:
Так и любви всеильная тоска
В закрытом сердце дремлет без желанья.

Развили розу солнцевы лобзанья;
Вдаль аромат лиется, как река:
Эрот, который, прикорнув, пока
Казался без движенья, без дыханья,

Тут вдруг вскочил и сердце вдруг расторг;
Он пробужден ее очей лучами, —
Но им не греть, нет! властвовать рабами.
Умри же, сердце, и прости, восторг,
И ты, надежда, с сладкими мечтами:
Увы! я предан, я обманут вами!

Алексей Дамианович Илличевский

История пяти дней

Открыться Лидии не смея,
Я в первый день ее любил;
Назавтра, несколько смелее,
Ей тайну сердца объявил;
День ото дня нетерпеливей,
Назавтра руку ей пожал;
Назавтра, прежнего счастливей,
У милой поцелуй сорвал;
Назавтра, миртами венчанный,
Я осчастливлен был вполне;
Но в тот же день, непостоянный,
Я пожалел о первом дне.

<1827>

АНТОН АНТОНОВИЧ ДЕЛЬВИГ

Первая встреча

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но всё меня к нему влекло,
Всё мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду – и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? – спросила я. —
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

<1814>

Романс

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь и все радости жизни
В жертву тебе я принёс.

Ты мне сказала: люблю,
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, всё счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

Русская песня

Что, красотка молодая,
Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
К белой ручке клонишь?

Или словом или взором
Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
Ты вложила в мысли.

Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповедать тайну!

Не слышали ль злые люди
Наших разговоров,
Не спросили ль злые люди
У отца родного;

Не спросили ль сопостаты
У твоей родимой:
«Чей у ней на ручке перстень,
Чья в повязке лента?»

Лента, ленточка цветная,
С золотой каймою,
Перстень с чернью расписною,
С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
Слез твоих горячих!
Перелей в мое ты сердце
Всю тоску-кручину,

Перелей тоску-кручину
Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
Легче растоскуем.

Александр Сергеевич Пушкин

Вишня

Румяной зарёю
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки молодые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом прикрыта
Вся прелесть грудей,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишенник густой

И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрела, —
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.

И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид!

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был изгнан Адам.

Пастушку несчастну

С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою,
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.

И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаёшься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

<1827–1836>

Евгений Абрамович Боратынский

Леда

В стране роскошной, благодатной,
Где Евротейский древний ток
Среди долины ароматной
Катится светел и широк,
Вдоль берега Леда молодая,
Еще не мысля, но мечтая,
Стопами тихими брела.
Уж близок полдень; небо знойно;
Кругом все пусто, все спокойно;
Река прохладна и светла;
Берега стрегут кусты густые...
Покровы пали на цветы,
И Леды прелести нагие
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользит по ним она:
Роскошно пенясь, перси полны
Лобзает жадная волна.
Но зашумел тростник прибрежный,
И лебедь стройный, белоснежный
Из-за него явился ей.
Сначала он, чуть зримый оком,
Блуждает в оплыве широком
Кругом возлюбленной своей;
В пучине часто исчезает,
Но сокрываясь от глаз,
Из вод глубоких выплывает
Все ближе к милой каждый раз.
И вот плывет он рядом с него, —
Ей смелость лебеда мила:
Рукою нежною своею
Его осанистую шею
Младая дева обняла;
Он жмет к деве, он украдкой
Ей перси нежные клюет;
Он в песне радостной и сладкой
Как бы красы ее поет,
Как бы поет живую негу!
Меж тем влечет ее ко берегу.
Выходит на берег она;
Устав, в тени густого древа,
На мураву ложится дева,

На длань главою склонена.
Меж тем не дремлет лебедь страстный:
Он на коленях у прекрасной
Нашел убежище свое;
Он сладкозвучно воздыхает,
Он влажным клевом вопрошает
Уста невинные ее...
В изнемогающую деву
Огонь желания проник;
Уста раскрылись; томно клеву
Уже отвечает язык;
Уж на глаза с живым томленьем
Набросив пышные волосы,
Она нечаянным движеньем
Раскрыла все свои красы...
Приют свой прежний покидает
Тогда нескромный лебедь мой;
Он томно шею обвивает
Вкруг шеи девы молодой;
Его напрасно отклоняет
Она дрожащею рукой:
Он завладел —
Затрепетал крылами он, —
И вырывается у Леды
И девства крик и неги стон.

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует моё воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

<1822>

Ожидание

Она придет! к ея устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье!
Мы ими счастью вредим
И сокращаем наслажденье.

<1825>

Александр Фомич Вельтман

Невинная любовь

Лети в объятия, моя младая Геба,
Я сладостно вопьюсь в твои уста, —
Как свет, как мысль о наслажденьях неба,
Моя любовь к тебе невинна и чиста!

Я чужд желаниям коварным и безбожным,
И не услышу я из уст твоих укор:
Ты веришь мне, и звукам ли ничтожным
То высказать тебе, что выражает взор?

В очах любовь и сладостная томность!
Как налилась огнем и взволновалась грудь!
Оставь меня!.. Я не нарушу скромность,
Но не мешай же мне к устам твоим прильнуть!

Тебя томит какая-то усталость.
Склонись... и нежностью тебя я усыплю.
Оставь... не запрещай простительную шалость!
Как я боязнь твою напрасную люблю!

Как ты мила! Как сладко сердцу биться!
Меня палит губительный огонь!
Не обнимай! оставь меня! не тронь!..
Я друг твой, но могу забыться!..

Она была на всё готова,
Её я душу обольстил,
А муж меня, как домовова,
Невольно трусил и любил.

Конец 1820-х годов (?)

Егор Федорович Розен

Милой незнакомке

1

Как иногда, в прекрасный вечер лета,
Пленяет нас волшебный блеск луны,
Так при тебе полна душа поэта
Прелестных тайн и светлой тишины!

Ты для меня не мир, дотоль незримый,
С могучею приманкой новизны;
Ты мне цветок знакомый и родимый —
Явленный лик заветной старины!

Мне говорят: ты божество младое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.